

Опубликовано: История татар с древнейших времён в семи томах.
Т.1. Народы степной Евразии в древности. Ред. С. Г. Кляшторный. Казань, 2002
[стр. 195–203]

Напольских В.В. (Ижевск) **Предыстория народов уральской языковой семьи**

Лежащую к северу от степной и лесостепной полосы Евразии зоны лесов, лесотундры и тундры от Скандинавии на западе до Таймыра на востоке издревле населяют народы, говорящие на языках уральской (финно-угро-самодийской) языковой семьи. В Волго-Уральском регионе к этой группе принадлежат удмурты, марийцы и мордва. В более отдалённом родстве с уральскими языками находится язык (языки) юкагиров – малочисленного народа, живущего сегодня на севере Восточной Сибири, в бассейне р. Колыма.

Отношения родственных языков друг с другом, степень их близости наиболее наглядно и удобно принято иллюстрировать с помощью схемы «родословного древа», которая для уральских языков представлена на рис. 1.

Как принято полагать, генетическое родство языков обусловлено былым существованием *п्राязыка*, в результате развития и распада которого, через стадии существования промежуточных праязыков в конечном счёте сложились родственные языки данной семьи или группы. Относительно уральских языков следует предполагать былое существование уральского праязыка, давшего начало самодийскому и финно-угорскому праязыкам; в результате распада финно-угорского праязыка сложились угорский, пермский, прамарийский, прамордовский и прибалтийско-финско-саамский праязыки. Финно-пермская, финно-волжская, обско-угорская языковые общности вероятнее всего обязаны былому существованию не относительно единых соответствующих праязыков, а достаточно интенсивным контактам близкородственных языков. Языковое родство – практически единственное, что объединяет уральские народы друг с другом и отличает их от всех других: выявить черты материальной, духовной культуры, антропологического типа, характерные только для уральцев и свойственные всем народам общности не представляется возможным. Поэтому исследование уральской предыстории должно прежде всего ответить на вопрос о *прародине* – о временной и пространственной локализации уральского, финно-угорского и самодийского праязыков.

Время распада уральского и финно-угорского праязыков определяется прежде всего с помощью выявленных в уральских языках заимствований из индоиранских (арийских) языков, которые распределены следующим образом: в уральском праязыке не было индоиранских (и индоевропейских вообще) заимствований, в самодийском праязыке имеются только весьма немногочисленные заимствования из языка среднеиранского типа, что говорит об очень поздних (едва ли ранее конца I тыс. до н.э.) контактах прасамодийцев с населением евразийских степей. В финно-угорских языках имеются восходящие к праязыку (т.е. распространённые во всех или почти во всех группах финно-угорских языков) слова, заимствованные из индоиранских языков уже после выделения их из индоевропейской общности, но отражающие ещё очень ранние стадии развития звукового строя этих языков. Более поздние арийские (точнее уже собственно иранские) заимствования в финно-угорских языках отдельных групп (прежде всего – в венгерском, пермских и марийском) показывают, что, во-первых, контакты финно-угорского населения лесной зоны Евразии с лесостепным и степным населением, говорившим на арийских (иранских) языках были скорее всего непрерывны с прафинно-угорского времени вплоть до смены этого населения в степях тюрками, и, во-вторых, что распад финно-угорского праязыка произошёл после распада праиндоевропейского, в период самостоятельного развития языков индоиранской (арийской) ветви, но до сложения собственно иранских языковых форм, зафиксированных в древнеперсидских и авестийских памятниках рубежа I-II – середины I тыс. до н.э. В абсолютных датах распад финно-угорского праязыка следует, таким образом, датировать

периодом между концом IV и второй половиной II тыс. до н.э. Исходя из чисто оценочных критериев предполагается, что распад прауральского имел место по крайней мере на тысячу лет раньше.

Анализ реконструированной прафинно-угорской лексики позволяет с высокой степенью достоверности утверждать, что носители финно-угорского праязыка не были знакомы с производящим хозяйством, равно как не приходится предполагать наличие у них сколько-нибудь развитой металлообработки. Это позволяет исключить II тыс. до н.э., когда эти новшества постепенно распространились в лесной зоне Восточной Европы и Западной Сибири из временного периода, которым можно датировать позднейший этап существования прафинно-угорской общности. Что касается прауральского, то предполагавшееся исследователями начала и середины XX века знакомство носителей этого праязыка с керамикой не бесспорно: прауральское слово, традиционно интерпретируемое как 'глиняный сосуд' отнюдь не обязательно означало именно керамический сосуд в прауральскую эпоху, кроме того оно имеет интересные параллели в дравидийских и индоевропейских языках и может, таким образом, представлять собой миграционный культурный термин, попавший в разные уральские языки уже после распада праязыкового единства. Поэтому в принципе ничто не мешает относить распад уральского праязыка ещё к мезолитическому времени.

Распад самодийского праязыка на основании значительной близости самодийских языков в целом, наличия в прасамодийском заимствований из тюркского языка «булгарского типа» (R-тюркского), в том числе – слова для *лошади*, отражения в прасамодийской лексике знакомства носителей праязыка с железом и скотоводством и т.д. принято относить к рубежу эр или к первым столетиям н.э.

Для датирования праязыковых распадов некоторыми лингвистами применяется метод *глоттохронологии*, состоящий в подсчёте доли этимологических совпадений между различными языками в специально составленном списке слов. В надёжности этого метода существуют обоснованные сомнения и его результаты нельзя абсолютизировать. Однако не подлежит сомнению, что он позволяет математически показать степень расхождения между родственными языками, которая в той или иной мере зависит и от времени, прошедшего с момента распада праязыка. Доля совпадений по стословному списку Сводеша между финно-пермскими и угорскими языками колеблется в пределах 20-28%, между финно-угорскими и самодийскими – 11-19%, что соответствует второй половине VI – середине IV тыс. до н.э. для распада прауральского и второй половине IV – второй половине III тыс. до н.э. – для прафинно-угорского. Процент совпадений между венгерским и обско-угорскими языками (27-34%) позволяет помещать распад праугорского в пределах второй половины III – середины II тыс. до н.э., процент совпадений между северно-самодийскими и другими самодийскими языками (51-60%) даёт возможность датировать распад прасамодийского периодом от II века до н.э. до III века н.э.

Исходя из изложенных соображений и учитывая также существующую в уралистике традицию, можно принять следующие даты праязыковых распадов: уральский праязык распался в VI – в конце V тыс. до н.э., финно-угорский – в середине III – на рубеже III / II тыс. до н.э., угорский – в конце II – во второй половине I тыс. до н.э., самодийский – около рубежа эр, прибалтийско-финский – в первые века нашей эры, пермский – в конце I – начале II тыс. н.э.. Финно-пермская и финно-волжская праязыковые общности существовали, таким образом, с рубежа III / II тыс. до н.э. до первой половины I тыс. до н.э.

При определении уральской (финно-угорской и т.д.) прародины следует исходить из того, что с помощью сравнительно-исторического языкознания реконструируется позднейшая, финальная стадия существования праязыка, непосредственно предшествовавшая его распаду. Поэтому географическая локализация прародины уральцев (финно-угров и т.д.) должна быть приурочена к приведённым выше датам распада соответствующих праязыков, по палеоклиматической шкале – к атлантикуму (VI-IV тыс. до н.э.) и к начальной стадии суббореала (III – последние века I тыс. до н.э.).

Уже с пионерских работ XIX века для определения прародины финно-угров в уралистике применяется метод *лингвистической палеонтологии*, состоящий в соотношении присутствовавшего в реконструированном праязыковом лексиконе комплекса понятий,

позволяющих представить природную среду, в которой обитал пранарод с имеющимися выводами палеобиогеографии относительно эпохи, к которой относится время существования праязыка, что позволяет определить район, в котором данный комплекс понятий в данную эпоху мог сформироваться. Такой район предложено именовать праязыковым *экологическим ареалом*, который так или иначе должен соотноситься с районом былого расселения носителей праязыка перед его распадом, с прародиной.

Данные лингвистической реконструкции позволяют полагать, что носителям уральского праязыка были известны, помимо прочих, следующие деревья:

– *ель*. Типичное дерево таёжных лесов, тяготеющее к странам с влажным и холодным климатом. В Восточной Прибалтике и в центре европейской России ареал ели в начале атлантикума сокращается, и она начинает вновь играть заметную роль на этих территориях только во второй половине атлантикума – то есть, в период когда уральская праязыковая общность скорее всего уже распалась, а на Урале и в Западной Сибири пыльца ели присутствует в очень большом количестве на протяжении всего атлантикума;

– *пихта*. Вплоть до начала VI тыс. до н.э. сибирская пихта полностью отсутствовала западнее Урала, её постепенное продвижение в Европу началось лишь с VI тыс. до н.э., для эпохи уральской и финно-угорской прародины вряд ли можно говорить о её распространении западнее верховьев Камы и Печоры;

– *кедр* (точнее – *сибирская кедровая сосна*). В атлантикуме кедр практически отсутствовал и в Восточной Европе (за исключением незначительных следов пыльцы в верховьях Печоры), и на Урале, основной областью его распространения была Западная Сибирь (включая бассейн Енисея и Алтай), а реально проникновение его на Урал и в Предуралье имело место не ранее середины суббореала, но он никогда не был распространен на запад и на юг далее Средней Камы и Верхней Вычегды;

В этот комплекс вписываются следующие прафинно-угорские реконструкции (без параллелей в самодийских языках):

– *кедровый орех или шишка*; следовательно, носители праязыка были знакомы с живым деревом, а не с изделиями из древесины кедра, как это предполагалось некоторыми исследователями.

– *лиственница*; и сегодня в Восточной Европе распространена очень ограниченно, а в атлантикуме и суббореале лиственницы практически не было западнее Урала, а Урал и в Зауралье ещё в IX-VII тыс. до н.э. были основным центром её распространения, на севере и востоке Западной Сибири её было больше и ещё больше – в Восточной Сибири.

Эти названия указывают на то, что прауральский и прафинно-угорский экологический ареал в конце атлантикума – первой трети суббореала локализовались в зоне тёмнохвойных таёжных лесов западносибирского типа от Урала на западе до бассейна Енисея и Алтае-Саянской горной страны на востоке. С этим выводом согласуются прауральские реконструкции названий других таёжных и северных животных и растений: *соболя* (с хорошей юкагирской параллелью), *рябчика*, *морошки*, *северного оленя* и др.

В то же время прауральский и – в особенности – прафинно-угорский экологический ареал не может быть помещён в северно-таёжной зоне, на что указывают реконструкции названий таких животных: (прауральский) *змея*, (прафинно-угорский), *бобр*, *ёж*. Указанием на сдвиг прафинно-угорского экологического ареала на юг и, возможно, на запад по сравнению с прауральским помимо приведённых выше названий животных традиционно считаются прафинно-угорские реконструкции названий *вяза* и *липы* (точнее – реконструируется финно-пермское слово для обозначения *лыка*). В атлантикуме вяз и липа были достаточно широко распространены в Западной Сибири на Урале, образуя западносибирскую периферию европейских широколиственных лесов, а липа сохраняется на юге бассейна Иртыша и по сей день. Кроме того важны прафинно-угорские названия *пчелы* и *мёда*, заимствованные из арийских языков: ареал медоносной пчелы связан с ареалом распространения такого медоноса как липа, а заимствованное происхождение этих слов указывает, во-первых, на период заимствования не ранее распада уральского праязыкового единства, во-вторых – свидетельствует скорее всего именно о сдвиге ареала расселения носителей прафинно-угорского на юг и / или на запад.

Для уральского и финно-угорского праязыков реконструируются названия следующих рыб:

- *нельма* (*белорыбица*); обитает в бассейнах рек Северного Ледовитого океана от Кольского полуострова до Восточной Сибири включительно и в бассейне Волги и р.Урал;
- *лινь*; практически повсеместно известен в Европе, в Сибири – в Обско-Иртышском бассейне и в верхней части Енисея. На севере эта теплолюбивая рыба более редка;
- *осётр*; обитает во всех сибирских реках, в бассейне Волги и в реках Центральной и Западной Европы бассейна Атлантического океана и, в частности, Балтики. По-видимому, его никогда не было в восточноевропейских реках бассейна Северного Ледовитого океана;
- *стерлядь*; не обитала в древности в бассейнах рек Балтийского моря, в Печоре, Мезени и в сибирских реках восточнее Енисея;
- *какой-то вид сига*; сиговых рыб в древности не было в бассейне Волги;
- *сырок* (*пелядь*); сырок, как и другие сиговые, полностью отсутствовал в бассейне Волги до искусственной акклиматизации в XX в., но издревле был одной из самых распространённых рыб бассейна Оби.

Такой набор названий рыб мог сформироваться только у населения Обско-Иртышского бассейна, скорее всего – его южной части. Все другие ихтионимы, реконструируемые для уральского и финно-угорского праязыков не противоречат этому выводу, а заимствованное происхождение (из балтских языков) названий основных рыб бассейна Балтики (*сёмги*, *угря* и др.) в прибалтийско-финско-саамских языках однозначно указывает на позднее проникновение носителей финно-угорской речи на берега рек, впадающих в Балтийское море.

Таким образом, *прауральский* экологический ареал в V – начале IV тыс. до н.э. ограничен на западе Уральским хребтом, на севере – примерно Полярным кругом, на востоке – районом среднего и верхнего течения Енисея, на юге – примерно современной южной границей западносибирской тайги от северных предгорий Саян и Алтая до нижнего течения Тобола и Среднего Урала включительно. *Прафинно-угорский* экологический ареал в III тыс. до н.э. в значительной мере совпадал с юго-западной частью прауральского экологического ареала (Средний Урал, Среднее и Южное Зауралье, юго-западный сектор Западной Сибири) и, видимо, включал в себя районы к западу от Уральских гор – бассейнов Камы, верхней Вычегды и верховья Печоры (см. рис. 2).

После распада уральской праязыковой общности носители *самодийского* праязыка скорее всего не покидали зоны западносибирской тайги, о чём свидетельствует хорошая сохранность отражающие соответствующие природные реалии прауральской лексики в самодийских языках и наличие множества других прасамодийских этимологий с соответствующими значениями (названия *лиственницы*, *соболя*, *глухаря*, *росомахи*, *кедровки* и т.д.). Ряд этимологий свидетельствуют о наличии в культуре самодийского пранарода домашнего оленеводства (названия для *домашнего северного оленя*, *нарт*, *кастрированного оленя*, что также указывает на локализацию пранарода в регионе древнейшего оленеводства (в самом широком смысле – таёжная и горно-таёжная зона Западной и Средней Сибири). В целом анализ прасамодийского лексикона позволяет локализовать прасамодийский экологический ареал эпохи распада общности (рубеж эр) в южно-таёжной зоне Западной Сибири, в междуречье Средней Оби и Енисея (см. рис. 2).

Для решения вопроса о соотношении праязыкового экологического ареала и прародины необходимо соотнести сделанные выше выводы с данными о внешних связях (контактных и генетических) уральского, финно-угорского и самодийского праязыков, о происхождении антропологических типов, характерных для современных уральских народов и наложение этих данных на карту археологических культурных традиций соответствующей эпохи.

Как было указано выше, уральский праязык не имел непосредственных контактов с *праиндоевропейским*. Из всех существующих сегодня гипотез об индоевропейской прародине наилучшим образом соответствуют лингвистическим и историческим фактам две: средневропейская (район к северу от балканских земледельческих культур типа Винча-Старчево, от южной Германии до западной Украины) и степная (зона евразийских степей и

лесостепей от Дуная до Урала). Локализация уральской прародины в южно-таежной зоне Западной Сибири в обоих случаях позволяет объяснить отсутствие следов прауральско-праиндоевропейских контактов. Последующее расширение ареала прафинно-угорского расселения на запад от Урала в лесной зоне и ареала ранних индоиранских племён на восток – в степной должно было привести к контактам прафинно-угров с носителями ранних *арийских* диалектов в лесостепной зоне Поволжья и Урала, что отражается в арийских заимствованиях в финно-угорском праязыке. При этом предки самодийцев оставались в западносибирской тайге и контакты их с ариями наступили не ранее I тыс. до н.э., когда, ареал их расселения по-видимому расширился в южном направлении.

С другой стороны, на востоке прауральский, прасамодийский и затем – отдельные самодийские языки находились, очевидно, в непрерывных контактах с носителями *пратунгусо-маньчжурского*, общетунгусского и эвенкийского языков. Причём ряд параллелей восходят, по-видимому, к столь глубокой праязыковой древности, что не представляется возможным определить, является ли то или иное слово заимствованием из пратунгусо-маньчжурского в прауральский или наоборот, или его следует возводить к некоему общему праязыку. Не исключено, что в эти контакты были вовлечены не только прасамодийский, но и праугорский уже после распада уральского единства. Вопрос о тунгусо-маньчжурской прародине далёк от своего решения, но в любом случае локализовать прауральско-пратунгусские контакты западнее Енисея невозможно. Следовательно, восточный фланг уральской, а затем – самодийской прародины должен был достигать по крайней мере бассейна Енисея.

О древних контактах уральцев-обитателей западносибирской тайги с носителями тунгусо-маньчжурских и *тюркских* языков, распространявшихся в этой зоне с юга и востока свидетельствуют также заимствования в этих языках слов, означающих таёжные реалии (*ель, кедр, лиственница, соболь*), из раннего прасамодийского (или праугорского) источника. С другой стороны, в прасамодийском имеются культурные термины, являющиеся старыми заимствованиями из тюркского языка «булгарского типа».

Наконец, внешние генетические связи уральского праязыка также «тянут» его далеко на восток: прежде всего – это факт *урало-юкагирского* языкового родства (см. выше), а также – многочисленные типологические, лексические, синтаксические параллели между уральскими и так называемыми «*алтайскими*» (тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, корейским и японским) языками, которые не могут быть проигнорированы независимо от решения проблемы алтайского родства и в любом случае указывают по крайней мере на древнейшие ареальные (если не генетические) связи прауральского (праюкагино-уральского) с языками Центральной и Восточной Азии.

Эта картина резко контрастирует со следами контактов уральских языков с исторически известными языками Европы: заимствования из *балтских* языков в уральских полностью отсутствуют в угорских и самодийских языках, и самые ранние контакты уральцев (точнее – западных групп финно-угров после распада финно-угорского праязыка) не могут быть таким образом датированы ранее конца III тыс. до н.э. Контакты с *германскими* языками имели место ещё в более позднюю эпоху, и в них были вовлечены только предки прибалтийских финнов и саамов. Остаётся открытой и весьма вероятной возможность древних контактов уральцев с носителями *палеоевропейских* языков, распространённых в Восточной и Северной Европе ранее индоевропейских и уральских: в частности очевидно, что мощный палеоевропейский субстрат имеется в саамском, носителями палеоевропейских языков с высокой степенью вероятности можно считать создателей комплекса неолитических культур с ямочно-гребенчатой керамикой льяловского типа Центральной России и культуры типичной гребенчатой керамики Восточной Прибалтики и Фенноскандии. Однако проблема характера, времени и места этих контактов остаётся в целом открытой.

В антропологическом (расовом) отношении уральские народы принадлежат к самым разнообразным типам: от классических европеоидных до классических и даже архаичных монголоидных. В антропологических типах большинства уральских народов сочетаются признаки как восточного, так и западного расового ствола. Точка зрения о том, что эти

формы результатом смешения европеоидных и монголоидных популяций не может объяснить того обстоятельства, что в них не просто парадоксально сочетаются признаки монголоидной и европеоидной рас, но эти признаки находятся в прямой связи. Это указывает на то, что в составе большинства финно-угорских народов присутствует общий антропологический компонент неевропеоидного и немонголоидного облика – *древнеуральская* раса, который подвергся интенсивному смешению с монголоидами на востоке и европеоидами на западе, но наилучшим образом сохранился в антропологическом типе манси.

Локализация древнеуральской расы, равно как и проблема соотношения этого антропологического типа с носителями уральского праязыка – вопросы нерешённые и даже реально до сих пор не поставленные, однако в любом случае следует полагать, что, во-первых, носители древнеуральского типа сыграли существенную роль в этнической истории уральцев уже на её древнейших этапах, во-вторых – что ареал распространения этого типа должен был находиться между восточным и западным очагами расообразования, особое значение имеет предположение о предледниковой зоне как наиболее вероятном районе, где подобный набор признаков мог сложиться и сохраняться. Все эти выводы прекрасно согласуются с гипотезой о западносибирских истоках уральской общности.

Возможности этноязыковой привязки археологических культур весьма ограничены вообще и тем более – в отношении культур мезолита и раннего неолита (время распада уральской и финно-угорской общностей). Однако археологический материал позволяет провести границы между существовавшими в эти периоды в Северной Евразии культурными традициями. В самом общем виде в интересующем нас ареале выделяются по крайней мере три чётко различающиеся ранненеолитические традиции с мезолитическими и даже верхнепалеолитическими истоками: восточноевропейская (постаренбургская и постсвидерская традиции с истоками в палеолите центральной Европы, на базе которых вырастают неолитические культуры с ямочно-гребенчатой керамикой льяловского типа в Центральной России и с типичной гребенчатой керамикой в Прибалтике; урало-западносибирская с восходящими к местному мезолиту *культурами с гребенчатой керамикой* в Прикамье и Западной Сибири; восточносибирская – преемственность культур Якутии с сумнагинской мезолитической до ымыяхтахской. Учитывая очевидные различия и различные истоки этих культурных областей, можно связывать генезис уральцев только с одной из них. При такой – единственно возможной – постановке вопроса только урало-западносибирская традиция может выступать в качестве археологического аналога прауральской общности, так как только территория её распространения соотносима с определённым выше прауральским и прафинно-угорским экологическим ареалом. Данный вывод не означает, что все носители культур урало-западносибирской традиции говорили на уральских языках, но с высокой степенью вероятности следует считать, что именно в пределах ареала распространения этой традиции, то есть – на территории лесной зоны от устья Камы на западе до Енисея на востоке, скорее всего – в южной и западной её частях следует локализовать уральскую и финно-угорскую прародину (см. рис. 2).

Таким образом, по всей вероятности по крайней мере с раннего неолита регион Прикамья входил в зону распространения уральских языков. Распад уральской и финно-угорской общности и продвижение уральской (финно-угорской) речи на запад до Скандинавии и Прибалтики связаны с глобальными экологическими изменениями конца атлантикума – суббореала (с VI до конца II тыс. до н.э.) и с социально-экономической революцией в укладе жизни населения лесной зоны Евразии в бронзовом и раннем железном веке (II-I тыс. до н.э.). В эту эпоху происходит сдвиг «родной» экологической ниши уральцев – темнохвойных таёжных лесов: угнетение их в Западной Сибири и распространение в Восточной Европе на запад и юг в связи с похолоданием и увлажнением климата (см. рис. 2). Одновременно в Западной Сибири идёт интенсивный процесс формирования болот, что привело к катастрофическому сокращению продуктивности этих территорий и не могло не вынуждать население к поиску новых земель. Расширение ареала темнохвойной тайги определило в целом направление этих поисков.

С другой стороны, начиная с эпохи ранней бронзы в ходе интенсивных контактов с преимущественно индоевропейским населением степной зоны Евразии и смешанных лесов Центральной Европы проникавшим в периоды относительно благоприятного климата достаточно далеко на север и на восток (фатьяновская, балановская, абашевская, поздняя археологические культуры и др.), уралоязычное население южных и юго-западных «окраин» уральской прародины (прежде всего – какая-то часть носителей *культур гаринско-волосовского круга* в Восточной Европе и создатели памятников липчинского и аятского этапов зауральской культуры с гребенчатой керамикой, екатерининского, барабинского вариантов культуры с ямочно-гребенчатой керамикой Прииртышья и др. в Западной Сибири) знакомится с металлами и производящим хозяйством. В эпоху же поздней бронзы, во второй половине II – в начале I тыс. до н.э. население южно-таежной и лесостепной зоны от Верхней Оби на востоке до Казанского Поволжья на западе благодаря освоению металлургии (уральский очаг металлообработки) и развитию комплексного охотничье-рыболовческо-скотоводческого хозяйства начинает играть доминирующую роль в лесной зоне, постепенно (по-видимому, одновременно с продвижением таёжных лесов) распространяя своё влияние до Балтики и Скандинавии на западе. Максимум это влияние достигло уже в раннем железном веке (в первой половине – в середине I тыс. до н.э.), когда в Восточной Европе складываются две большие культурные области – *ананьинская*, от Прикамья и Предуралья через север европейской России достигавшая в очень ясных реминисценциях Карелии, и *культур с текстильной (ложнотекстильной, сетчатой) керамикой*, воздействие которых также прослеживается от Среднего Поволжья до Швеции. В Западной Сибири в эпоху поздней бронзы аналогично идёт развитие *андроноидных* культур южно-таежной и лесостепной зоны от Урала до Верхней Оби, создатели которых, будучи скорее всего потомками неолитического лесного населения региона, к началу I тыс. до н.э. значительно опередили в социально-экономическом отношении родственные по языку по племена более северных территорий.

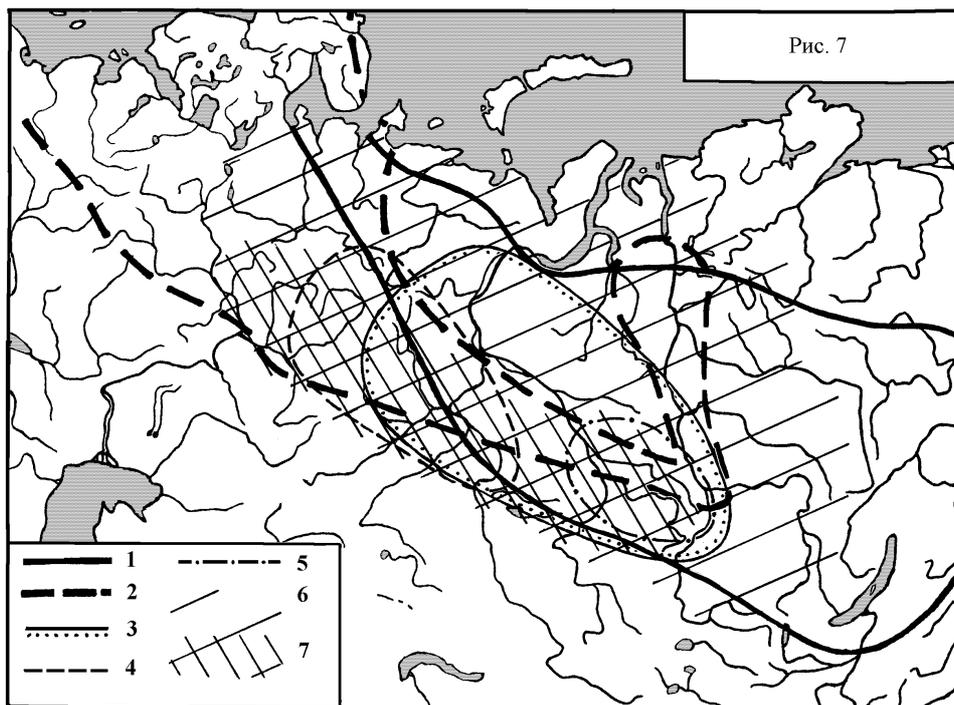
Эти бурные исторические процессы привели в конечном счёте в середине – второй половине I тыс. до н.э. к сложению археологических общностей, с создателями которых можно с известной степенью вероятности соотносить население, говорившее на праязыках отдельных уральских групп: культуры с ложнотекстильной керамикой Карелии и Финляндии *типа Сарса-Томица* (прасаамы), культуры *каменных могильников с оградками* в Эстонии и на соседних территориях (праприбалтийские финны), *дьяковской* и *городецкой* культур в Верхнем и Среднем Поволжье и в бассейне Оки (прамордва и прамарийцы), *пьяноборской* и *гляденовской* культур в Прикамье (прапермяне), *иткульской* культуре в Зауралье (предки обских угров), *саргатско-гороховской общности* на юго-западе Западной Сибири (правенгры), *кулайской* культуры в Среднем Приобье (прасамодийцы).

Рисунки

Рис. 1. Родословное древо уральских языков. (см. отдельный файл)

В верхней строке – современные и исторически зафиксированные языки (в том числе – литературные языки, в случае наличия отдельной нормы). Знаком † обозначены вымершие языки.

Рис. 2. Праязыковой экологический ареал и прародина уральцев.

1 – ареал темнохвойной тайги в бореале (VII тыс. до н.э.); 2 – ареал тёмнохвойной тайги в конце суббореала (вторая половина II тыс. до н.э.); 3 – прауральский экологический ареал; 4 – прафинно-угорский экологический ареал; 5 – прасамодийский экологический ареал; 6 – гипотетическая максимальная территория распространения прауральских групп; 7 – наиболее вероятная территория распространения прауральского населения.